

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

УДК 94(47+54)''1914''+316.64

АВГУСТ 1914-ГО: ПРИРОДА «ПАТРИОТИЧЕСКИХ» НАСТРОЕНИЙ

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия

Автор анализирует природу общественного настроения августа 1914 г. в России, которое принято отождествлять с патриотизмом. По его мнению, российский «патриотизм» был более сложным психосоциальным явлением, заметно отличавшимся от европейского общественного подъема. Говорить об устойчивом «национальном единении» в данном случае вряд ли уместно. В России начало войны воспринималось в контексте будущих революционных изменений. При этом образ «внутреннего врага» подчас заслонял собой представления о враге внешнем. С другой стороны, с успешным завершением войны образованные классы связывали неоправданные надежды. Со своей стороны, традиционные слои воспринимали войну как стихийное бедствие. Вместе с тем, крестьяне надеялись на далеко идущие аграрные преобразования. Такой патриотизм легко мог приобрести революционную перверсию.

Ключевые слова: Первая мировая война, власть, интеллигенция, массовая психология, патриотизм, национализм, шовинизм, эмоции, пропаганда, революция.

20 лет назад известный историк Питер Лиддл показал, насколько основательно менялось эмоциональное восприятие Первой мировой войны в британском обществе за прошедшие 80 лет². Нечто подобное происходило и происходит повсеместно³. Изменчивость коммемораций – обычное явление. Историческая память пульсирует, образы яркого прошлого мерцают.

На моей памяти Первая мировая война из войны «империалистической», «захватнической» едва не превратилась во Вторую Отечественную войну России. Оставим в стороне наивные пропагандистские манипуляции

---

¹ В данном разделе опубликованы доклады участников международной научной конференции, посвящённой 100-летию начала Первой мировой войны и 150-летию земской реформы «Российское земство: 50 лет мира, 3 года войны», Тверь, 28 сентября – 2 октября 2014 г.

² Liddle P. The Response of Bretons to the First World War // WW 1 and the XX Century. М., 1995. Р. 67–72.

³ Пивоваров Ю. С. Россия: Четырнадцатый год // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 6–34.

Pivovarov Yu. S., Rossiya: Chetyrnadtsatyi god, Rossiya i sovremenniy mir, 2014, № 2, S. 6–34.

– они неизбежны. Трудно идентифицировать страшное явление, свалившееся некогда на голову недоумевающего человечества. Люди всегда находят доступный *их сегодняшнему* пониманию «смысл»: включаются психосоциальные релаксанты исторической памяти.

* * *

В начале XX в. вся Европа жила ожиданием войны. Но какой? И одно дело – «бряцание оружием», другое – его применение. Конечно, заряженное ружьё рано или поздно выстрелит. Но где грань, отделяющая страхи перед агрессией от готовности к «вероломному» нападению?

Писать об «объективных» причинах войны можно до бесконечности: человечество заготовило полный набор «рациональных» объяснений на все случаи жизни. Однако нельзя забывать, что с точки зрения общеевропейского прогресса и самого этоса Просвещения война в тех масштабах, в которых она произошла, была *бессмысленной*. Сама по себе перспектива потери, а не привычного наращивания новых богатств в начале XX в. выглядела абсурдной. Ещё сложнее было представить, что культурный универсализм Европы развалится под натиском оголтелых «провинциальных» национализмов.

Рано или поздно придется признать, что война стала порождением специфического «эмоционального перегрева». Люди Европы стремились не просто к победе над врагом, а к победе Разума во имя по-своему понятой «исторической справедливости». Им казалось, что славная эпоха Просвещения подходит к своему логическому – безусловно, оптимистичному концу, осталось устранить последнее досадное препятствие. В Брюсов в поэме «Последняя война» провозглашал: «Началом мира и свободы / да будет страшный год войны!» В этом старались уверить себя все и в России, и в Европе. А журналист Н. П. Ашешов в сентябре 1914 г. писал: «Новая светозарная эпоха. Полное проявление красот русского духа... Счастливы те, кто будет жить в период полного расцвета России!»⁴ Позднее В. И. Вернадский высказывался уже более сдержанно: «... Война, так или иначе, дав выход силам прошлого, начнет новое будущее»⁵.

---

⁴ Цит. по: Лазутин В. В. «Когда кончится? Чего жду?» Первая мировая война в «Чукоккале» и «Дневнике» Корнея Чуковского // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 281.

Lazutin V. V., «Kogda konchitsya? Chego zhdu?» Pervaya mirovaya voina v «Chukokkale» i «Dnevnikе» Korneya Chukovskogo, Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy. M., 2013, S. 281.

⁵ Вернадский В. И. Война и прогресс науки // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918: в 4 т. М., 2014. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению. С. 370.

Vernadskii V. I., Voina i progress nauki, Pervaya mirovaya voina v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiiskoe obshchestvo, 1914–1918: v 4 t. M., 2014, t. 3: Liberal'nyi vzglyad na voinu: cherez katastrofu k vrozozhdeniyu, S. 370.

«Опрометчивая самонадеянность разума», о которой писал ещё А. И. Герцен, в начале XX в. сыграла поистине роковую роль. Понятно, что признаться в этом довольно трудно. Спонтанный прогресс демократии порождает представление о неуправляемости мира. А потому в критический момент люди охотнее обращаются к пророкам и вождям, нежели к ученым и политикам.

Было время, когда западные авторы писали, что в августе 1914 г. людьми двигал подлинный патриотический порыв. Но теперь всё чаще отмечают, что под покровом благородных страстей таился иррациональный страх перед неизвестным, выливающимся в шовинистические манифестации⁶. Страх частично заглушался представлениями (казалось бы, логичными) о скоротечности войны. Искренний энтузиазм наблюдался лишь в образованных классах, особенно в академической среде. Однако в значительной степени это были манифестации мифотворцев⁷. Отмечали также, что в России бурное патриотическое настроение «едва ли не более сильно сказывалось именно в тех, кто так или иначе имел счастье остаться в тылу и при своих занятиях»⁸.

Общие представления усиливал механизм «стадной» контагиозности. Так, ни в одной части германского общества не обнаружилось иммунитета против официального патриотизма. Ситуация подогревалась страхом перед «русским паровым катком», который прокатится по Германии⁹. Страхи получали «логическое» подтверждение и моральное «оправдание», подавляя пацифистские настроения. Простые французы рассуждали так: «Если мы бросим Россию в беде, то и она от нас отвернётся, и тогда мы уж получим сполна от Германии»¹⁰. С другой стороны, считалось, что Россия не может оставить в беде «маленькую, но гордую Сербию» и прочих славян (хотя те отстаивали свои собственные, причём взаимопротиворечивые интересы). Конечно, наибольшую готовность к «благородной» борьбе демонстрировала молодёжь, как всегда мечтающая «о подвигах, о славе».

Следует учитывать, что буржуазная Европа уже давно рефлексировала по поводу своего внутреннего разложения – философия Ф. Ницше наиболее яркое тому подтверждение. Итальянские футуристы видели в войне средство духовного «очищения». Во Франции «война казалась свое-

⁶ Verhey J. *The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany*. Cambridge, 2006. P. 87, 89, 93, 96.

⁷ Ibid. P. 94, 97.

⁸ Сабанеев Л. Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2003. С. 317.

Sabaneev L. L., *Vospominaniya o Skryabine*, M., 2003, S. 317.

⁹ См.: Fürster S. *Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890 – 1913)*. Wiesbaden; Stuttgart, 1985.

¹⁰ Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. С. 245. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.

Revyakin A. V., *Frantsuzskii natsionalizm i Pervaya mirovaya voina, Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn.*, M., 2008, kn. 1, *Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny*, S. 245.

го рода чудом, способным расшевелить апатию расы, осужденной на смерть через историю и биологию»¹¹. Г. Ле Бон сравнивал войну с Французской революцией¹². Казалось, что «социалистический мессионизм, представления о лучшем мире, в котором люди будут равными, лучше образованными и более терпимыми», не имеют во Франции контраргументов. С социалистами соглашались консерваторы: разница была лишь в том, что первые считали своим врагом милитаризм, а вторые – Германию¹³.

Сегодня, перечисляя (точнее, нанизывая друг на друга) причины войны, в тысячный раз историки вспоминают о германско-британском соперничестве, территориальных спорах между Германией и Францией, о российских интересах на Балканах и т. п. Забывают, однако, что с точки зрения *прогресса* (причём не только экономического), под знаком которого вроде бы жили европейские народы, масштабная война была бессмысленной. Ожидалось также, что от войны пострадают наиболее развитые страны. Но эмоции победили не только разум, но и инстинкт самосохранения.

Давно сложилась традиция связывать причины войны с волюнтаризмом европейских монархов, упорно игнорировавших предостережения, исходящие от научных кругов¹⁴. Между тем в августе 1914 г. редкие голоса мыслителей-пацифистов сделались практически неразличимыми. Однако монархи были настроены вовсе не решительно. Николай II, как известно, колебался больше, чем пристало самодержцу. Партийные элиты Британии и Франции также скорее реагировали на события, нежели подгоняли их. Английские либералы, как и финансово-промышленные круги, были определённо против войны¹⁵. Даже генералитет Германии и производители вооружений были не столь воинственны. Фридрих Крупп поддержал программу морских вооружений, выдвинутую адмиралом Тирпицем, однако такие промышленно-финансовые тузы, как Гуго Стиннес и Вальтер Ратенау, были настроены миролюбиво. Г. фон Мольтке-младший и А. фон Тирпиц восприняли август 1914 г. как катастрофу, сам кайзер отнюдь не почувствовал воодушевления¹⁶. Похоже, что немцы привыкли скорее *пугать* войной, нежели уверовали в её неотвратимость (между прочим, именно об

---

¹¹ *Le Naour J.-Y.* The Great War Between Degeneration and Regeneration // *Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies* / Ed. by Jenny MacLeod and Pierre Purseigle. Leiden, Boston, 2004. P. 183.

¹² См.: *Le Bon G.* Enseignements psychologiques de la guerre moderne. Paris, 1916.

¹³ *Le Naour J.-Y.* Op. cit. P. 181–182.

¹⁴ *Hamilton R.* On the Origins of the Catastrophe // *The Origins of World War I* / Ed. by R.F. Hamilton and H. Herwig. Cambridge, 2003. P. 477.

¹⁵ *Ibid.* P. 480–481, 485.

¹⁶ *Залевски М.* Немецкое общество и начало Первой мировой войны // *Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. С. 407.*

Zalevski M., Nemetskoe obshchestvo i nachalo Pervoi mirovoi voiny, *Voina i obshchestvo v KhKh veke: v 3 kn. M., 2008, kn. 1, Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny, S. 407.*

этом писало 1 марта 1914 г. «Новое время» в статье с характерным названием «Немецкий гипноз»)¹⁷.

Поначалу будущие противники, включая Германию, намеревались обороняться, но затем заговорили о наступлении¹⁸. Происходило взаимопровоцирование страхами. Когда летом 1913 г. в Германии был принят закон о чрезвычайном единовременном военном взносе в 1 млрд марок, Европа содрогнулась, ибо за закон проголосовали социал-демократы, довольные тем, что основная тяжесть налога ложится на имущие классы¹⁹. Готовность «играть не по правилам» во имя достижения преимуществ над другими превращала гонку вооружений в главный фактор развязывания войны.

Как известно, в своё время виновником войны был «назначен» пресловутый империализм (что основательно взбудрило марксистов). Между тем Джон Гобсон во вдохновившей В. И. Ленина книге «Империализм» заметил, что его исследование «определённо относится к области социальной патологии, и потому в нём не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»²⁰. Социальные девиации возбуждали эмоции, апофеозом которых стали сараевские выстрелы. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает её жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал в своё время известный историк П. Г. Виноградов, стараясь добраться до причин войны и революции²¹. Похоже, «объективные законы» заговорили языком расстроенной человеческой психики.

Обзор интеллектуальной продукции июля–августа 1914 г. обнаруживает «почти маниакальную воинственность европейских интеллектуалов, писателей, артистов, учёных»²². Именно носители этоса Просвещения стали пропагандистами войны, положившей конец *их* эпохе. Последняя болезненно изживала самое себя. Подтверждалось, что цивилизация, не способная отличать иллюзию от действительности, близка к гибели²³.

¹⁷ Цит. по: *Котов Б. С.* Германский милитаризм накануне Первой мировой войны в оценках российской прессы // Вопросы истории. 2014. № 9. С. 66.

Kotov B. S., Germaniskii militarizm nakanune Pervoi mirovoi voiny v otsenkakh rossiiskoi pressy, Voprosy istorii, 2014, № 9, S. 66.

¹⁸ *Алпеев О. Е.* Стратегические планы Великих держав в военно-публицистической литературе последней четверти XIX – начала XX в. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны. С. 75–76, 78–80.

Alpeev O. E., Strategicheskie plany Velikikh derzhav v voenno-publitsisticheskoi literature poslednei chetverti XIX – nachala KhKh v., Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny, S. 75–76, 78–80.

¹⁹ *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 257–261.

²⁰ Цит. по: *Гобсон Дж.* Империализм: изд. 2-е. М., (1927) 2009. С. 17.

Gobson Dzh., Imperializm, izd. 2-e, M., (1927) 2009, S. 17.

²¹ *Виноградов П. Г.* Избранные труды. М., 2010. С. 438.

Vinogradov P. G., Izbrannye Trudy, M., 2010, S. 438.

²² *Hamilton R.* Op. cit. P. 502.

²³ *Сол Д. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 13.

Sol D. R., Ublyudki Vol'tera. Diktatura razuma na Zapade, M., 2007, S. 13.

Позднее признавали, что никогда еще рационализм – гордость «старой Европы» – не был так основательно дезавуирован, как во время «августовских событий» 1914 г. Идея прогресса забрела в тупик, европейский мир – в лице практически всех своих народов²⁴ – поистине сошёл с ума. И этому есть своё – вполне рациональное – объяснение. Оно лежит в области старых как мир человеческих страстей.

Возможно, наиболее близко подойти к пониманию глубинных истоков войны смог Макс Шелер с его представлением о ресентименте буржуазного общества²⁵. «Человек – это страх», порождённый «вытеснением инстинктов и оmozговением», – считал он. Пароксизм накопившегося страха возбуждает «предельную волю к власти». Вместе с тем он надеялся, что уравновесить страх может любовь, причём «не только любовь к известному, но и к неизвестному»²⁶. Еще ранее Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечал, что «долгий мир зверит и ожесточает человека...»²⁷. Увы, в реальной жизни ресентимент действительно способен вызвать ощущение, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Получалось, что «сытый» европейский человек рано или поздно должен был сорваться либо в войну, либо в революцию. Действительно, авторитет Льва Толстого как-то сник. С патриотических позиций выступили в эмиграции отец российского анархизма П. А. Кропоткин и разоблачитель агентов царской охранки В. Л. Бурцев. Последний в порыве патриотизма даже вернулся в Россию (вряд ли сомневаясь, что будет арестован²⁸). Другие эмигранты надеялись, что «скоро будет возможность ехать в Россию по железной дороге»²⁹. Примечательное послание отправил Б. В. Савинков из Парижа 4 ноября 1914 г. З. Н. Гиппиус. «...Для меня война не исчерпывается вопросом – кто победит, – писал он. – Это вопрос огромный, и за Россию стоит, конечно, отдать свою жизнь, но есть вопрос больший, более глубокий, я бы сказал евангелический». Знаменитому террористу казалось, что «те люди, которые говорят и высказываются – какая польза будет Европе, если союзники победят, кажутся... смешными». Тех же, которые занимали позицию «моя хата с краю», он именовал «слепорождёнными», а тех, «которые как ни

²⁴ См.: *Becker J.-J.* 1914: Comment les Français soient entrés dans la guerre. Contribution à l'étude de l'opinion publique printemps-été 1914. P., 1977.

²⁵ *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 69.
Sheler M., Resentiment v strukture morale, SPb., 1999, S. 69.

²⁶ *Шелер М.* Философские фрагменты из рукописного наследия. М., 2007. С. 89.
Maks Sheler, Filosofskie fragmenty iz rukopisnogo naslediya, M., 2007, S. 89.

²⁷ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1983. Т. 25. С. 101.

Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh, M., 1983, t. 25, S. 101.

²⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 79; Д. 977. Л. 7; Д. 978. Л. 100 (Здесь и далее материалы перлюстрированной охранкой переписки).

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 102, Op. 265, D. 976, L. 79; D. 977, L. 7; D. 978, L. 100.

²⁹ Там же. Д. 978. Л. 52.

Ibid, D. 978, L. 52.

в чём ни бывало, едят, пьют, спят, ссорятся – ... гниющими мертвецами». Ему казалось, что появился шанс «в борьбе обрести свободу свою». «Если люди сейчас не поймут своей немощи, своей малости, своей зависимости от чьей-то верховной воли... они до конца дней своих будут пробавляться сором “логических рассуждений”», – заключал он³⁰.

Апелляция к волевому началу была не случайной. Смятенные души рассчитывали найти в войне «самих себя» в «своей» России. Из Генуи неустановленный автор (похоже, народник) писал 12 ноября 1914 г. М. В. Сабашникову в Москву: «Настоящая война не может закончиться только военным разгромом Германии... Для России это значит – конец её идейного ученичества и начало собственного идейного творчества, начало жизни собственной органической жизнью... А при таком повороте к подлинной, своей народной жизни, где же искать теперь ближе всего её смысл и разгадку, как не в бытовой крестьянской ячейке общины и вообще “мира”»³¹. От войны люди творческие ждали очень многого, но очень разного. В любом случае они все больше вдохновлялись идеей «справедливого» насилия.

И это было закономерно. Спонтанный рост общественного богатства (возникшего, по представлениям традиционного общества, «нетрудовым» путём), недостижимость этого близлежащего богатства – всё вело к накоплению элементов ресентимента, неотрагированной агрессивности. Человек ощущал себя то ли изгоем, то ли «пролетарием», нуждавшимся в идее, символе, знамени, чтобы рвануть в будущее, ломая всё на своём пути. Растущая прослойка нравственных диссипантов могла вдохновляться как идеей нации, так и духом «интернационалистского» её отрицания. Так или иначе, люди жили жаждой «освобождения», редуцированной до избавления от того *врага*, на которого им будет наиболее убедительно указано. И убеждать их в том, что они оказались заложниками сгустка собственных «тёмных» страстей, было бесполезно. А потому за историческим самообманом последовал историографический «обман».

В прошлом о шовинизме, захватившем население европейских стран, в советско-российской литературе писали невнятно. Забывали о том, что для этого времени был характерен невероятный, казалось бы, перепад настроений и изменений их вектора. Так, в Германии буржуазные дамы встречали военнопленных цветами так же пылко, как ранее провожали на фронт своих родных. Таких женщин упрекали в «извращенном желании эротических приключений»³², что, конечно, было несправедливо: ритуал милосердия по отношению к бывшему врагу призван был «отодвинуть» угрозу от их близких. Агрегированное чувство ресентимента сталкивалось со страхом индивидуального возмездия. Так или иначе образованные классы эмоционально не выдерживали миссии, возложенной на них эпохой

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 24.

GARF, F. 102, Op. 265. D. 979. L. 24.

³¹ Там же. Д. 992. Л. 59.

Ibid, D. 992, L. 59.

³² Verhey G. Op. cit. P. 80–82.

Просвещения. Не случайно не только в городских низах русской столицы, но и даже среди части интеллигенции отмечали «волнение и страх»³³. И это было не случайно.

В начале XX в. Европа переживала последствия демографического бума. С другой стороны, научная революция породила невиданный рост информационных технологий. Тогдашний Великий немой приучал «помолодевшее» население жить в двух измерениях – реальном и виртуальном. Человека захлестывал поток праздной (досуговой) информации, желания росли, чувство ответственности за свои поступки слабело. Груз неоправданных надежд трансформировался в иррациональное недовольство, которое концентрировалась на образе врага. Люди стали путать с войной *военную игру*.

В чём же особенность российского «августа 1914 года»? Совсем недавно от западных авторов можно было услышать, что отношение к мобилизации было общим для всех воюющих держав³⁴. Вслед за тем отечественные авторы пробовали уверять, что в России умонастроения 1914 г. имели как «общероссийские, так и сугубо российские черты, определяемые спецификой русского национального самосознания, менталитета и социального облика масс»³⁵. Подобные заявления – типичная попытка спрятаться от реальных сложностей истории за «глубокомысленным» наукообразием.

В России отношение к войне было другим, нежели в Европе: сказывались социокультурные различия. Культурно расколотая Россия обнаруживала куда более противоречивую гамму эмоций: от демонстративного «патриотизма» интеллигенции до молчаливого смирения крестьянского большинства перед неизбежностью. Интеллигентский патриотизм носил особый – подражательный, с одной стороны, «революционный», с другой стороны – характер. Но это ещё не всё.

На войну возлагали непомерные надежды. Речь идёт не только о Константинополе и проливах. В либеральной печати можно было встретить утверждения о том, что Россия должна стать гегемоном Европы, что корреспондировалось с довоенными европейскими представлениями о русском «паровом катке». Высказывались также надежды на церковное возрождение³⁶. Напротив, общинное сознание воспринимало войну как сти-

³³ Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 60.

Punin N., Mir svetel lyubov'yu. Dnevniky. Pis'ma, M., 2000, S. 60.

³⁴ Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 212.

Sanborn D., Beporyadki sredi pryzyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoi natsii, Rossiya i Pervaya mirovaya voyna, SPb., 1999, S. 212.

³⁵ Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 196.

Porshneva O. S., «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii, Rossiiskaya istoriya. 2010, № 2, S. 196.

³⁶ Леонтьева Т. Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 107–108, 111–114.

Leont'eva T. G., Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoi voiny, Rossiya i sovremennyi mir, 2014, № 2 (83), S. 107–108, 111–114.

хийное бедствие, от которого никому уклониться нельзя. Вместе с тем в Европе не было «пьяных» бунтов призывников, в основе которых лежала неосознанная ненависть к старому «внутреннему врагу», издавна сковывающему социальную энергию.

Если урбанизированное общество в большей или меньшей степени управляется расчётом, то в традиционном обществе «практический разум» постоянно сбивается «праведными» эмоциями, связанными, в свою очередь, с областью сакрального и магического. Недаром некоторым российским патриотам казалось, что «одновременная молитва в тысячах церквей об одном и том же» создаст в населении империи «психические токи, которые окажут громадную помощь нашим героям в решающие минуты их подвигов на благо человечества»³⁷. Некоторых посещали «грозные и радостные» космические видения, которые якобы «имели важность общественную»³⁸.

Российские урбанизированные и вестернизированные элиты вели себя на манер европейских. Но они не забывали о «воздаянии» за свой демонстративный патриотизм. Впрочем, в патерналистских системах о воздаянии в самом земном смысле слова не забывает никто, особенно традиционалистские низы.

Как ни парадоксально, в России «внутренний враг» вызывал поначалу большее опасение, нежели враг внешний. Внешний враг был силён физически, что преодолимо. Напротив, сила внутреннего врага казалась поистине инфернальной. Конечно, шпиономания – это общеевропейское явление, связанное с архаизацией представлений о «другом» под влиянием нахлынувших опасений. В России так называемое «настроение 1914 г.» в значительной степени оказалось связано с шовинистической перверсией устоявшихся форм общественного недовольства. «Недоумевающее» население потянулось к власти, стараясь подчеркнуть свою лояльность демонстративной ненавистью к «чужому». При этом российские образы врага имели свою специфику.

Характерно, что в России немцами и кайзером не пугали, их скорее высмеивали. В Германии наоборот: русскими, особенно казаками, пугали. В России писали о «германской военной мощи», «тевтонских зверствах», но настоящего страха перед Германией не было. Шпиономания в России была направлена главным образом на «внутренних немцев».

Спектр настроений в начале войны в России был более широк, чем в Европе. Вряд ли стоит следовать за российскими публицистами, упорно воспроизводившими патриотические настроения в Англии и Франции рядом с описаниями ситуации в российских городах. Сходство было. Особенно заметно оно было в больших городах, где своим пародийным поведением интеллигенция заражала обывателей.

---

³⁷ Новое звено. 1914. № 43. 18 окт. С. 1.

Novoe zveno, 1914, № 43, 18 oktyabrya, S. 1.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 16.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 976, L. 16

Всякий авторитаризм, покоящийся скорее на вере, нежели на разуме и расчёте, порождает не только социальную разобщённость и историческую беззаботность, но и повышенную эмоциональность. Поэтому в угрожающих ситуациях так называемый коммуникативный разум (Ю. Хабермас) с лёгкостью редуцируется до своего рода *коммуникативного инстинкта*. В результате эмоциональная контагиозность связывает воедино психоментальную архаику и «патриотическую» агрессивность. Это произошло не только в августе 1914-го, но и в феврале 1917 г.

В российском «патриотическом» подъёме превалировала не любовь к Родине, а скорее надежда на власть и ненависть к «врагу», которого, однако, ещё предстояло идентифицировать. В России ресентимент имел иную – догражданскую – психосоциальную основу. Он управлялся патерналистским инстинктом и поэтому легко мог «обмануться». В конечном счёте он не случайно направился против ставшей «негодной» власти.

Всё это не исключало проявлений настоящего гражданского патриотизма: разочарование во власти обостряло чувство «общинной» солидарности. Не исключало это и подлинного героизма: «на миру и смерть красна». Но соотношение героического и «шкурнического» неумолимо менялось в пользу последнего. И виноватой в этом была сама высшая власть, воспринимаемая как распутинщина.

Спектр противоречивых настроений легко прослеживается по письмам российских граждан, «заботливо» перлюстрированных властями. Оказывается, что эмоциональное возбуждение было далеко от патриотического идеала. Так, некая «Варя» из Москвы писала А. Рубакину во Францию: «Что у нас делается! В городе тоска – ... кругом горе. ... Глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъём, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Вечером режут – жутко становится – двери запирают». «Патриоты» казались толпой из «подростков, хулиганов и полицейских», которые «кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать». А в деревне «один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются»³⁹. Разумеется, подобные заявления тонули в массе «оптимистических» наблюдений. Но в реальной жизни семена сомнений играют подчас куда большую роль, нежели «непреклонная» уверенность недалёковидных людей.

27 июля 1914 г. некто К. К. сообщал из Твери в Москву: «Что делаешь?... Слышал от Лены... что принимаешь горячее участие в манифестациях. Значит “повергаешь верноподданнические чувства к стопам Его Императорского Величества Николая Александровича”. Ходишь с флагами, кричишь ура, Боже Царя храни! – В Твери ведь не без этого тоже. 3 – 4 шалопая поднимают на ноги порядочное количество публики. Вечером окон нельзя открыть – ... уж больно орут иступленными голосами... Рабья психология покорности и готовности. Этот слюноточивый патриотизм и раздул страсти. Что в России, что у немцев...»⁴⁰.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 976, L. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

5 августа 1914 г. из Екатеринослава в Москву сообщали: «Об энтузиазме речи быть, конечно, не может, даже приткие корреспонденты и сотрудники “Русского слова” черпают свой энтузиазм скорее в редакционных комитетах, чем от общения с восплавленной патриотическим гневом толпой... Полицию всюду встречают камнями и кошачьими концертами... В первый день мобилизации здесь было крупное столкновение со стражниками. Убито было 3 и ранено 3... Здешнего председателя “Союза русского народа” запасные два раза били за патриотические речи и манифестации». Анонимный автор (скорее всего женщина) пыталась так объяснить «энтузиазм» призывников: «Пассивные элементы толпы идут вследствие привычки подчиняться, малосознательности и полной разобщенности этой толпы; активные элементы идут частью из-за невозможности бороться, частью потому, что империалистические аппетиты германских правящих классов начинают угрожать существованию демократии, как в Германии, так и повсюду». Именно по этой причине редкие антивоенные выступления левых социалистов не приносили успеха⁴¹. В известных ситуациях логика бессильна перед эмоциями. Некоторым казалось, что «такого сильного и единодушного подъема Россия... никогда не переживала» и «все слились в одном желании победить Германию»⁴². Победить во имя чего?

Многие революционеры упорствовали. Из Иркутской губернии некий ссыльный писал в Москву: «Воодушевления я не видел здесь, а о манифестациях и помина нет. Война здесь оценивается, прежде всего, с точки зрения ухода родных, повышения цен, будущих налогов и увеличения разных повинностей. На войну народ идет только с покорностью, творя чужую волю. Нигде тут я не слушал, что нужно заступиться за сербов... Теперь идет борьба вовсе не за сербов, а за гегемонию, за господство в Европе и во всем мире... Я никогда не поверю, чтобы тот, кто расстреливал русских рабочих на улицах Петербурга, прошелся огнем и мечом по Москве, смог искренне жалеть сербов. Тут сербы только предлог...»⁴³.

Если в Европе мечты о будущем воспринимали в контексте некоего духовного переворота, то многие российские интеллигенты готовились к *реальной* революции. Некоторые из них исходили из доктринальных соображений. «Внешне проходит пока всё стройно, если не считать отдельных столкновений офицеров с солдатами, но эта стройность скомкается очень скоро в процессе военных действий, где страх перед чудовищными законами современной войны сломит боязнь перед военно-полевыми судами, — писал неустановленный автор (явно социалист) из Одессы в Москву. — Ми-

---

Ibid, L. 15.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48.

GARF, F. 102, Op. 265, D.976, L. 48.

⁴² Там же. Д. 979. Л. 97.

Ibid, D. 979, L. 97.

⁴³ Там же. Д. 976. Л. 88.

Ibid, D. 976, L. 88.

литариизм организовал и вооружил демократию – он сам пожнет плоды своих трудов»⁴⁴.

Исходя из «революционного ресентимента» выявлялись и виновники войны. «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию, и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царём против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина, – и забывая, что нельзя уничтожить германство – родину Вагнера и Бетховена, Канта и Гете»⁴⁵, – писали В. П. Акимову-Махновцу из Парижа. Революционные ожидания были особенно сильны в эмигрантской среде. В июле 1914 г. некая «Леля» из Гренобля писала в имение Фон-Глен (Казанская губерния): «Говорят в России готовятся к революции. Двое русских эмигрантов, приговоренных к смертной казни, радостные мечтают вернуться во время беспорядков в Россию... Настроение такое нервное приподнятое»⁴⁶. Подобные чувства сопровождались уверенностью в победе над внешним врагом. Из Германии некий Е. И. Рышкевич писал, что именно после этого «можно ожидать революции», которая «будет, пожалуй, солиднее, чем в прошлый раз»⁴⁷ (в 1905 г.). (Возможно, на подобные настроения повлияли распространявшиеся немецкими газетами слухи о неизбежности революции в России). Впрочем, из Канады сообщали то же самое: «Россия, пожалуй, выйдет победительницей и тогда реакция усилится и озверевает, но думаю, что и революция найдёт почву в разбитых жизнях, разрушенных хозяйствах, кризисе, безработице. И не только в России... но и в Германии и Австрии...»⁴⁸. Очень многие войну воспринимали в духе своего рода революционного апокалипсиса. «Пишется война, а читается революция»⁴⁹, – отмечал Л. Андреев, будучи при этом настроен лояльно и патриотично.

Разумеется, высказывались в России и пессимистические прогнозы, связанные с разочарованиями в европейских социалистах⁵⁰. Опасались, что в случае победы «царь и его присные... постараются гнуть Россию в бараний рог по-прежнему...»⁵¹. Характерно, однако, что оборонческая позиция

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 976, L. 48.

⁴⁵ Там же. Л. 100.

Ibid, L. 100.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

Ibid, L. 10.

⁴⁷ Там же. Л. 62.

Ibid, L. 62.

⁴⁸ Там же. Л. 97.

Ibid, L. 97.

⁴⁹ Цит. по: *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России (Размежевание и исход). СПб., 1996. С. 26.

Kuptsova I. V., Khudozhestvennaya intelligentsiya Rossii (Razmezhevanie i iskhod), SPb., 1996, S. 26.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 45.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 979, L. 45.

⁵¹ Там же. Д. 976. Л. 41 об.

Ibid, D. 976, L. 41 ob.

таких авторитетов, как П. А. Кропоткин, Г. В. Плеханов и В. Л. Бурцев, в России отвергалась их почитателями⁵². Интернациональные доктрины сталкивались с доморощенными страстями. Даже среди меньшевиков число сторонников Плеханова было невелико⁵³. Как бы то ни было, и оборонческие, и патриотические идеи создали в интеллигентской среде мощное эмоциональное напряжение. Их разрядка во многом зависела от представлений о власти.

Хватало и «квасных» патриотов. Так, фельетонист И. И. Кольшко, человек весьма желчный, писал, что в 1914 г. в России не было «более воинственного патриота», чем «венгерец» С. М. Пропер, издатель «Биржевых ведомостей»⁵⁴. Пресса сообщала, что столичный городской голова И. И. Толстой (человек либеральных взглядов) «пьет квас» в пользу раненых⁵⁵. Демонстративное «патриотическое настроение» впитывало в себя более чем разнородные – от искренних и наивных до кликушеских и глумливых – интенции и эмоции.

Особого внимания заслуживает шовинистическая истерия, инициированная борьбой с «немецким засильем». Похоже, она подпитывалась чувствами, далекими от реального «немца». Возникло легальное информационное пространство, в которое можно было выплеснуть и искреннее негодование, и неотрагированную агрессию, и накопившуюся глумливость. Помимо германофобии усилился антисемитизм. Активизировались самодеятельные авторы. Одни из них предпочитали амплу «народных» патриотов, подстраиваясь под лубковый жанр. (Таковы были, к примеру, брошюры А. В. Прохоровича: «Песни воздушного боя Великой Всемирной Отечественной войны 1914 года», «Песни Великой Всемирной Отечественной войны всех народов 1914 года. Шумел-гремел народ Московский» и др., а также лубковые рассказы Х. Шухмина: «Как Вильгельм приснился коробочнику Никите» и др.). Другие авторы старались не выходить за рамки приличий, но со временем начинали злоупотреблять всевозможными политическими параллелями. (А. Э. Свенцицкий выпустил в Жмеринке «миниатюру в 1 действии», названную «Вильгельм и Вера Чеберяк, или Дама с мандолиною»). Некоторые авторы, похоже, просто удовлетворяли свои графоманские порывы. Так, множество брошюр объёмом в несколько страниц выпустил «поэт-рабочий» П. Травин. Их названия говорят за себя: «Как русский сапог напугал целый немецкий полк», «Свинья красавица или одуроченные немцы», «Германские генералы и русская пор-

⁵² ГАРФ. Д. 977. Л. 4, 57, 84; Д. 980. Л. 24; Д. 1004. Л. 81.

GARF, D. 977, L. 4, 57, 84; D. 980, L. 24; D. 1004. L. 81.

⁵³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 618.

Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis, M., 2014, S. 618.

⁵⁴ Кольшко И. И. Всемирный распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 218.

Kolyshko I. I., Vsemirnyi raspad. Vospominaniya, SPb., 2009, S. 218.

⁵⁵ Аргус. 1914. № 21. С. 107.

Argus, 1914, № 21, S. 107.

тянка», «Как черт Вильгельма выдумал» и т. п. Вышло несколько номеров журнальчика под названием «Немец–перец–колбаса», на обложке которого красовалась «вражеская» морда в ореоле колбас и с пивной бутылкой вместо носа. «Негодяи, прикрывающиеся личиной патриотизма, – наиболее отвратительное явление настоящей войны», – заявил австрийский писатель А. Шницлер⁵⁶.

Конечно, обывательская масса пассивно следовала за официальными призывами. Документы местных архивов убеждают, что патриотизм в провинции носил преимущественно пассивно-ритуальный характер. Но это не умаляет активности местных земцев: приём беженцев, военнопленных, сбор средств, заготовка сушеных овощей и т. п.⁵⁷ Кое-кто выступал с патриотическими инициативами. Так, некий «Тур...» писал из Тверской губернии 19 августа 1914 г. министру А. В. Кривошеину: «При том обороте, который принимают военные действия, в высшей степени необходимо, чтобы население имело правильное понятие о значении настоящей войны...». Он считал, что для пропаганды следует привлекать сельских учителей (что он и делал в своём уезде). А для помощи им следует начать издание в столице особой брошюры для рассылки её в народные училища. И тут же он предупреждал: «Уже сейчас в народе ходят самые разнообразные слухи (вплоть до слухов, что немцы уже в ближайшем соседстве)»⁵⁸. Впрочем, судя по всему, благие начинания встречали сопротивление. 21 декабря 1914 г. архиепископ Серафим писал из Твери известному правому деятелю кн. А. А. Ширинскому-Шихматову в Петроград: «Я нахожусь в неопишущем положении и только утешаюсь сознанием, что вся эта скудость, весь этот хаос – русские, а потому нельзя относиться к ним равнодушно и безразлично. Живу в полном одиночестве, ибо здесь безлюдье и неподготовленность сотрудников для какой-либо деятельности. Город делает впечатление базарного села и некультурного уголка»⁵⁹.

Давние надежды перерастали в отчаяние. «Миф о непорочном зачатии международного мира богиней вечной войны начинается, очевидно, стеснять самих мифотворцев, – отмечал Ю. Мартов уже в начале октября 1914 г.⁶⁰ «И черная, земная кровь / Сулит нам, разрывая вены, / Все разру-

---

⁵⁶ Ландау Г. А. Сумерки Европы // Первая мировая война в оценке современников. Т. 3. С. 110.

Landau G. A., Sumerki Evropy, Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov, T. 3, S. 110.

⁵⁷ См.: Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг.: сб. докум. Тверь, 2009. С. 91–146, 253–314.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918 gg., Tver', 2009, S. 91–146, 253–314.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 86.

GARF, F. 102, Op. 265, D. 976, L. 86.

⁵⁹ Там же. Д. 1002. Л. 2113.

Ibid, D. 1002, L. 2113.

⁶⁰ Мартов Ю. О. Мифология «последней» войны // Первая мировая война в оценке современников. Т. 4. Демократия «страны разрушенного равновесия». С. 104.

шая рубежи, / Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи», – преудреждал А. Блок в «Возмездии». В октябре 1915 г. Н. Бердяев (скорее поэт, нежели философ) пророчествовал о «тёмном вине», которое «опрокидывает все теории политического рационализма»⁶¹. В этих условиях Блоку казалось, что именно у поэта, ощущения которого не разделяют личного и общего, можно найти «ключ к эпохе», уяснить её смысл⁶². Вероятно, он был прав. Действие мощных иррациональных сил *внутри* человеческих сообществ ощущалось многими. Поначалу казалось, что они изоморфны иллюзиям прогресса, но затем пришло ощущение, что они встанут главной преградой на его пути.

Со временем патриотические порывы гасли даже в людях, казавшихся ярыми патриотами. О В. Я. Брюсове не менее «патриотичный» В. Ф. Эрн в начале 1915 г. писал: «И “патриотически” настроен, и анекдотики героические рассказывает, и всё же скука какая-то умопостигаемая идёт от него»⁶³. В октябре 1915 г. С. Н. Булгаков отмечал, что война перестала оказывать то оздоровляющее влияние на души, какое имела вначале...»⁶⁴. Впрочем, идея «обновления войной» оказалась деструктивной и деморализующей даже во Франции⁶⁵. А в России патриотические иллюзии закономерно претерпели революционную перверсию.

Итак, что стояло за российским патриотизмом образца августа 1914-го? Не приходится сомневаться, что в основе всякого патриотизма лежит естественное ощущение неразрывной – по месту рождения и взросления – связи с определенной культурной средой. Всякий человек – «природный» патриот. Однако при известных условиях патриотическое чувство может испытывать противоестественные метаморфозы. В России это было связано с вырождением патерналистской (по определению) системы в ее полицейско-бюрократическую пародию. Не удивительно, что «казённый» патриотизм вызывал тотальное – как либерально-космополитическое, так революционно-интернационалистское – отторжение. Тем не менее «нормальный» патриотизм имплицитно присутствовал даже в сознании тех, кто яростно

Martov Yu. O., Mifologiya «poslednei» voiny // Pervaya mirovaya voina v otsenke sovremennikov, T. 4. Demokratiya «strany razrushennogo ravnovesiya», S. 104.

⁶¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 54.

Berdyayev N., Sud'ba Rossii, M., 1990, S. 54.

⁶² Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6. С. 83, 86.

Blok A. A., Sobr. soch.: v 8 t., M.; L., 1960–1963, T. 6, S. 83, 86.

⁶³ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А. С. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 612.

Vzyskuyushchie grada. Khronika chastnoi zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh A. S. Askol'dova, N. A. Berdyayeva, S. N. Bulgakova, E. N. Trubetskogo, V. F. Erna i dr. M., 1997. S. 612.

⁶⁴ Там же. С. 653.

Ibid, S. 653.

⁶⁵ Le Naour J.-Y. Op. cit. P. 179.

нападал на его политико-националистические и шовинистические манифестации.

Не удивительно, что соотношение «естественного» патриотизма и «искусственного» национализма приобретает особо напряжённый характер в переломные эпохи. Строго говоря, никакой патриотизм не обходится без своих (обычно ханжески презираемых в спокойное время) спутников – национализма и даже шовинизма. Они не только сопровождают естественные идентификационные процессы, но и придают патриотическому чувству необходимую энергетику. Взаимоотношения патриотизма и национализма далеки от благостности – отсюда пароксизмы крайних форм этнофобии (как и интернационализма), практикуемые личностями диссипативного склада.

Соотношение рационального и эмоционального в общественной жизни постоянно меняется, причём у разных народов по-разному. Традиционные системы по-своему реагируют на экстремальные ситуации. Всякий сбой в их функционировании чреват выплесками массовых, – причём отнюдь не благостных эмоций. Однако трудно бывает поверить, что такие могут наполнять «святой» патриотический порыв.

Под флагом патриотизма легко «находят себя» социальные изгои. Черносотенные манифестации при всей их холуйской отвратительности являются болезненным стремлением к восстановлению «единения царя с народом». Причём в кризисные времена «погромный патриотизм» легко просыпается и в «цивилизованных» нациях. «Усталость от прогресса», как и обделённость его плодами, не говоря уже о трансформации страхов в националистическое бахвальство и шовинистическую агрессивность, – естественные спутники истории, подгоняемой и «подправляемой» всевозможными кризисами.

В августе 1914 г. в «едином патриотическом порыве» люди пытались выйти из состояния дезориентированности. Особенно активно, сами того не сознавая, этим занимались люди образованные. Их устремлённость к прогрессу приобрела извращённую форму. И им казалось, что их патриотизм будет понятен социальным низам, обеспокоенным «всего лишь» вопросами социального выживания.

Несбывшиеся иллюзии порождают не только болезненные разочарования. Массы всегда хотят «своей» власти. Бюрократически вырождающаяся патерналистская государственность рано или поздно встретит вызов со стороны революционного патриотизма. И это вовсе не худший способ вырваться из исторического тупика, ибо в XX в. психозы национального «унижения» оборачивались нацизмом.

Список литературы:

1. *Алпеев О. Е.* Стратегические планы Великих держав в военно-публицистической литературе последней четверти XIX – начала XX в. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
2. *Гобсон Дж.* Империализм. Изд. 2. М.: ЛИБРОКОМ, (1927) 2009.
3. *Залевски М.* Немецкое общество и начало Первой мировой войны

- // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008.
4. *Котов Б. С.* Германский милитаризм накануне Первой мировой войны в оценках российской прессы // Вопросы истории. 2014. № 9. С. 59–71.
  5. *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России (Размежевание и исход). СПб.: Нестор, 1996.
  6. *Лазутин В. В.* «Когда кончится? Чего жду?» Первая мировая война в «Чукоккале» и «Дневнике» Корнея Чуковского // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
  7. *Леонтьева Т. Г.* Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119.
  8. Макс Шелер. Философские фрагменты из рукописного наследия. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2007.
  9. *Пивоваров Ю. С.* Россия: Четырнадцатый год // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 6–34.
  10. *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 186–194.
  11. *Ревякин А. В.* Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008.
  12. *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
  13. *Сол Д. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: АСТ: Астрель, 2007.
  14. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Университетская книга, 1999.
  15. *Becker J.-J.* 1914: Comment les Français soient entrés dans la guerre. Contribution à l'étude de l'opinion publique printemps-été 1914. P.: Flammarion, 1977.
  16. *Fürster S.* Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890 – 1913). Wiesbaden; Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 1985.
  17. *Le Bon G.* Enseignements psychologiques de la guerre moderne. P.: Ernest Flammarion, 1916.
  18. *Le Naour J.-Y.* The Great War Between Degeneration and Regeneration // Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies / Ed. by J. MacLeod and P. Purseigle. Leiden, Boston: Brill, 2004.
  19. *Liddle P.* The Response of Bretons to the First World War // WW1 and the XX Century. Moscow: Институт всеобщей истории РАН, 1995. P. 67–72.
  20. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf: Droste Verlag, 1969.
  21. *Hamilton R.* On the Origins of the Catastrophe // The Origins of World War I / Ed. by R.F. Hamilton and H. Herwig. Cambridge: Cambridge univ. press, 2003.

22. Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006.

AUGUST 1914: A NATURE OF «PATRIOTIC» TEMPERS

V. P. Buldakov

Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, *Moscow, Russia*

The author analyzes the nature of the social mood of August 1914 in Russia, which is commonly identified with patriotism. In his opinion, the Russian “patriotism” was a more complex psychosocial phenomenon, significantly different from the European pattern. To talk about sustainable “national unity” in this case is not correct. In Russia the beginning of the war was perceived in the context of a forthcoming revolution. This image of the “internal enemy” was sometimes obscured a view of the external antagonist. On the other hand, in mind of educated classes the successful end of the war was tied with unjustified hopes. For their part, traditional population perceived the war as a total disaster. However, the peasants had hoped for a far-reaching agrarian transformation. Such patriotism may easily be perverted in revolutionary passion.

Keywords: *World War I, power, intelligentsia, mass psychology, patriotism, nationalism, chauvinism, emotions, propaganda, revolution.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Alpeev O. E., Strategicheskie plany Velikikh derzhav v voenno-publitsisticheskoi literature poslednei chetverti XIX – nachala XX v., Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy, M., IMLI RAN, 2013.
- Gobson Dzh., Imperializm, Izd. 2, M., LIBROKOM, (1927) 2009.
- Zalevski M., Nemetskoe obshchestvo i nachalo Pervoi mirovoi voiny, Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn. Kn. 1. Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny, M., Nauka, 2008.
- Kotov B. S., Germanskii militarizm nakanune Pervoi mirovoi voiny v otsenkakh rossiiskoi pressy, Voprosy istorii, 2014, № 9, S. 59–71.

- Kuptsova I. V., *Khudozhestvennaya intelligentsiya Rossii (Razmezhevanie i iskhod)*, SPb., Nestor, 1996.
- Lazutin V. V., «Kogda konchitsya? Chego zhdu?» *Pervaya mirovaya voina v «Chukokkale» i «Dnevnikе» Korneya Chukovskogo, Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy*, M., IMLI RAN, 2013.
- Leont'eva T. G., *Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoi voiny, Rossiya i sovremennyi mir*, 2014, № 2 (83), S. 104–119.
- Maks Sheler, *Filosofskie fragmenty iz rukopisnogo naslediya*, M., Institut filosofii, teologii i istorii Sv. Fomy, 2007.
- Pivovarov Yu.S., *Rossiya: Chetyrnadtsaty god, Rossiya i sovremennyi mir*, 2014, № 2 (83), S. 6–34.
- Porshneva O.S., «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii, *Rossiiskaya istoriya*, 2010, № 2. S. 186–194.
- Revyakin A. V., *Frantsuzskii natsionalizm i Pervaya mirovaya voina, Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn. Kn. 1. Voina i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny*, M., Nauka, 2008.
- Sanborn D., *Besporyadki sredi prizyvnikov v 1914 g. i vopros o russkoi natsii, Rossiya i Pervaya mirovaya voina*, SPb., Dmitrii Bulanin, 1999.
- Sol D. R., *Ubyudki Vol'tera. Diktatura razuma na Zapade*, M., AST, Astrel', 2007.
- Sheler M., *Resentiment v strukture moralei*, SPb., Universitetskaya kniga, 1999.

Статья поступила в редакцию 14. 10. 2014 г.